

П.К. Чекалов

**«МУКА
НЕРАЗДЕЛЕННОЙ
ЛЮБВИ».
ОПЫТ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РАННЕЙ ЛИРИКИ
А. АХМАТОВОЙ**

В статье предпринята попытка интерпретации ряда ранних стихотворений А.А. Ахматовой, основанная на анализе их лирических ситуаций и стилистики.

Чекалов

Петр Константинович — докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета Ставропольского государственного университета

© 2007 г. П.К. Чекалов

В одной из автобиографических заметок Анна Андреевна как-то выразилась: «У поэта существуют тайные отношения со всем, что он когда-то сочинил, и они часто противоречат тому, что думает о том или ином стихотворении читатель» [Ахматова, 1990, 368].

Не покушаясь на «тайну отношений» Ахматовой с ее лирикой, тем не менее, хотелось бы поделиться собственным восприятием некоторых ее стихотворений, относящихся к любовной лирике.

Суть ранней лирики А.А. Ахматовой ее современник поэт Борис Садовской выразил емко и лаконично: «сплошное горе, покаяние и мука» [Садовской, 1990, с. 272]. Касаясь этого же вопроса, К. Чуковский подчеркивал: «Она поэт сиротства и вдовства. Ее лирика питается чувствами необладания, разлуки, утраты. Изю всех мук сиротства она особенно облюбовала одну: муку неразделенной любви <...>. У нее был величайший талант чувствовать себя разлюбленной, нелюбимой, нежеланной, отверженной» [Чуковский, 1990, с. 503–504].

Эта же мысль еще ранее была высказана Н. Недоброво: «Несчастной любви и ее страданиям принадлежит очень видное место в содержании ахматовской лирики — не только в том смысле, что несчастная любовь является предметом многих стихотворений, но и в том, что в области изображения ее волнений Ахматовой удалось отыскать общеобязательные выражения и разработать поэтику несчастной любви до исключительной многоорудности» [Недоброво, 2002, с. 245].

Попытаемся выявить особенности психологического переживания лю-

бовной драмы лирической героиней Ахматовой. И начнем наш разговор со стихотворения, в котором, на первый взгляд, трудно уловить какие-либо трагические ноты:

*Здравствуй! Легкий шелест слышишь
Справа от стола?
Этих строчек не допишешь –
Я к тебе пришла.
Неужели ты обидишь
Так, как в прошлый раз. –
Говоришь, что рук не видишь,
Рук моих и глаз.
У тебя светло и просто.
Не гони меня туда,
Где под душным сводом моста
Стынет грязная вода.*

Стихотворение настолько пропитано праздничным настроением от встречи с любимым, что мы даже не замечаем никаких драматических мотивов. Но обратим внимание на финальный образ «душного свода моста». Чем обусловлено его появление? По тексту получается, что герой может прогнать незвано явившуюся к нему гостью именно на этот мост: «Не гони меня туда, / Где под душным сводом моста / Стынет грязная вода». Но это ведь нелепо. При самом неблагоприятном стечении обстоятельств максимум, что может предпринять возлюбленный – выставить гостью за дверь. Но тогда почему именно «мост» и «грязная вода»?

Героиня стихотворения – тонко чувствующая натура, болезненно воспринимающая саму возможность отказа любимого от встречи с ней: выдворение означает конец любви, а для нее это равносильно смерти. И образы моста и грязной воды в финале стихотворения возникают не просто как нейтральный элемент городского пейзажа, а как указание места, где она может распротиться с жизнью. Проще говоря, последнюю строфу можно прочитать следующим образом: не гони меня из своего дома и не заставляй меня покончить с собой, сбросившись с моста. Таким образом, мы видим, что для героини Ахматовой вопрос любви или нелюбви в буквальном смысле стоит между жизнью и смертью.

Рассмотрим еще одно стихотворение, в котором снова звучит тема разлада с любимым:

*Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?» –
Оттого, что я терпкой печалью
Напоила его допьяна.
Как забуду? Он вышел, шатаясь,*

*Искривился мучительно рот...
Я сбежала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».*

Мужчина пришел к любимой женщине. Но в этот вечер она была не в духе, возможно, чем-то расстроена. Чуткость изменила ей, и она наговорила любимому лишние и обидные слова. Не со зла, просто сказалось настроение. Ахматова не воспроизводит самих слов, но она концентрирует и выражает их воздействие на любимого метафорой «... я терпкой печалью / Напоила его допьяна». Видимо, они были достаточно злы и незаслуженно оскорбительны, о чем позволяет предположить болезненная реакция любимого: «*искривился мучительно рот*». Оскорбленный мужчина не в силах перенести унижения, встает и уходит «*шатаясь*». Последний эпитет подчеркивает глубину нанесенной обиды. Женщина опомнилась, осознала нелепость случившегося, она страдает, раскаивается в причиненном близкому человеку зле и, желая изменить драматический ход событий, бежит за ним. Но *как* бежит? Стремительно, забыв о всякой осторожности: «Я сбежала, *перил не касаясь*»; неприлично долго: «Я бежала за ним *до ворот*». Красноречиво и то, как она признается в том, что необдуманно совершила: «Задыхаясь я крикнула...» «*Задыхаясь*», т.е. в отчаянии, как бы преодолевая некий барьер не физического даже, а внутреннего плана — собственную гордость, нормы приличия... Она даже не говорит, а «*кричит*», что еще раз подчеркивает и усиливает ее эмоциональное состояние, подлинность раскаяния. Не оставляет сомнения в искренности и последующее признание: «Уйдешь, *я умру*». Но уязвленная гордость мужчины настолько глубока, что, улыбаясь «спокойно и жутко» (первый эпитет отражает желание сохранить мужское достоинство, желание не уронить себя в глазах унизившей его женщины, а второй выдает истинное его психологическое состояние), он только может выразить свою учтивость: «Не стой на ветру». Эти слова воспринимаются как приговор. Он не вернется ни сейчас, ни потом, никогда, он уже не сможет переступить через обиду, как бы ему этого ни хотелось.

Яркой иллюстрацией взаимосвязи нелюбви и смерти для героини может служить стихотворение «Песня последней встречи»:

*Так беспомощно грудь холодела,
Но шаги мои были легки.
Я на правую руку надела
Перчатку с левой руки.
Показалось, что много ступеней,*

*А я знала — их только три!
Между кленов шепот осенний
Попросил: «Со мною умри!
Я обманут моей унылой,
Переменчивой злой судьбой».
Я ответила: «Милый, милый!
И я тоже. Умру с тобой...»
Эта песня последней встречи.
Я взглянула на темный дом.
Только в спальне горели свечи
Равнодушно-желтым огнем.*

В тексте стихотворения не уточняется, что произошло, но проявления преимущественно внешнего мира уже нагнетают ощущение неблагополучия: холодеющая грудь, осенний шепот, темный дом, равнодушно-желтый огонь... Это ощущение усиливается мотивом смерти, дважды и очень остро прозвучавшем в небольшом по объему стихотворении: на просьбу-жалобу осеннего шепота «Со мною умри!» героиня с готовностью отвечает: «И я тоже. Умру с тобой». Чем вызвана такая готовность?

Предыдущая часть стихотворения в этом плане ничего не раскрывает: мы видим только женщину, которая с холодеющим сердцем легким шагом сходит по ступенькам дома, на ходу надевая перчатки... И тем не менее мы понимаем, что образ «беспомощно холодеющей груди» может являться только результатом разыгравшейся за рамками стиха драмы. Не противоречит ли такой трактовке вторая строка, в которой упоминается о легких шагах героини? Ведь известно, что обида придает передвижению особую тяжесть, она как бы придавливает человека к земле. Нам представляется, что легкость походки — это личное качественное свойство героини, которое не покидает ее даже в минуту душевного надлома. Но более красноречивыми в характеристике душевного состояния героини являются строки, повествующие о том, как она перчатку с левой руки надела на правую, а три ступеньки преодолевала так долго, что они ей показались множеством ступеней... Обратим внимание на тон: совершенно бесстрастный, в нем нет и намек на какое-либо внутреннее расстройство, но тем не менее мы понимаем, что эти проявления могут свидетельствовать только о сильнейшем душевном смятении. При этом укажем на тот факт, что героиня Ахматовой ни единым словом не обмолвилась о своем внутреннем состоянии. Именно такие моменты имел в виду В.М. Жирмунский, когда говорил о том, что «всякое душевное состояние обозначается у Ахматовой внешним признаком, который делает его конкретным и индивидуальным» [Жирмунский, 1973, с. 93].

Именно после эпизода с перчаткой и ступеньками следует усиливающий, нагнетающий трагизм ситуации мотив смерти. И пытаюсь ответить на поставленный ранее вопрос («Чем вызвана готовность к смерти?»), мы вынуждены констатировать: состоявшимся разрывом с любимым, о котором в стихотворении нет ни единого упоминания, но не случайно в финале воспроизводятся ключевые слова, вынесенные в название: «последняя встреча», и упоминается спальня в темном доме с равнодушно-желтым огнем. «*Последняя встреча*», вероятнее всего, состоялась с любимым, а *спальня* — указание места разыгравшейся трагедии без описания самой трагедии; эпитет «*равнодушно-желтый*», соотносимый с окраской горящих свечей, выступает характеристикой не столько цвета, сколько душевного состояния того, кто остался в той спальне: его безразличное отношение к судьбе женщины, которую он оттолкнул.

Стихотворение «Отрывок» тоже о нелюбви. Женщину не любят, и о том свидетельствуют все внешние и внутренние признаки: тронутые черной, густою тушью «тяжелые веки», «тоска», «удушье», «уколы», «острая игла», мертвая грудь, не говоря уже о двойном эмоционально насыщенном восклицании «*Что сделал с тобой любимый, / Что сделал любимый твой!*», выражающем не только острое сопереживание героине, но и осуждение того, кто довел женщину до такого состояния. Но вопреки очевидному женщина отчаянно верит, хочет верить, что ее любят по-прежнему, и отчаяние веры ее тем сильней, чем больше сама она подозревает правдивость значения примет:

*...И кто-то во мраке дерев незримый
Зашуршал опавшей листвой
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!
Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удушью
Отравительницы любви.
Ты давно перестала считать уколы —
Грудь мертва под острой иглой.
И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой!..»
Я сказала обидчику: «Хитрый, черный,
Верно, нет у тебя стыда.
Он тихий, он нежный, он мне покорный,
Влюбленный в меня навсегда!»*

Мы видим, как женщина изо всех сил хочет уверить даже не столько того, кто «зашуршал опавшей листвой», сколько саму себя в том, что она все еще любима, ибо потеря веры в это для нее означает смерть. И

она так отчаянно держится за иллюзию любви, потому что это последняя нить, которая связывает ее с жизнью.

Что может произойти, если окончательно разрушить иллюзии, если отнять у героини Ахматовой то единственное, ради чего она и живет на этой земле? Об этом следующее стихотворение:

*Углем наметил на левом боку
Место, куда стрелять.
Чтоб выпустить птицу — мою тоску
В пустынную ночь опять.
Милый! Не дрогнет твоя рука.
И мне недолго терпеть.
Вылетит птица — моя тоска,
Сядет на ветку и станет петь.
Чтоб тот, кто спокоен в своем дому,
Раскрывши окно сказал:
«Голос знакомый, а слов не пойму» -
И опустил глаза.*

Известно, что наравне с прочими индоевропейскими народами славяне сохранили много рассказов о превращении усопших в легкокрылых птиц, в виде которых они навещают своих родичей. Вот это мифологическое представление и реализовано в стихотворении Ахматовой в преломленном ситуацией неразделенной любви виде: мужчина разлюбил, и его равнодушие убивает женщину. В другой своей жизни она перевоплощается в птицу, которая прилетает к окну любимого и поет о своей боли и тоске по неразделенной, потерянной любви. Мужчина слышит и улавливает отголоски чего-то бывшего, знакомого, хотя не разбирает слов. И он испытывает нечто наподобие чувства вины: он не может вспомнить, кому принадлежит голос, но ощущает, что чем-то провинился перед этим голосом, о чем свидетельствуют опущенные его глаза.

Во всех стихах, рассмотренных нами до сих пор, образ женщины связан с мотивами тоски и печали; как правило, это страдающее, несчастное существо, зависимое от мужчины, от его внимания, ухаживания, любви... Одним из немногих стихотворений, в котором представлено умиротворенное состояние героини, выступает следующее:

*Широк и желт вечерний свет,
Нежна апрельская прохлада.
Ты опоздал на много лет.
Но всё-таки тебе я рада.
Сюда ко мне поближе сядь,
Гляди веселыми глазами;
Вот эта синяя тетрадь
С моими детскими стихами.*

*Прости, что я жила скорбью,
И солнцу радовалась мало.
Прости, прости, что за тебя
Я слишком многих принимала.*

Лирическая героиня данной миниатюры представляется уже не молодой, отягощенной опытом несчастной любви, горьких разочарований. Мы видим женщину, которая долго искала мужчину своей судьбы, чтобы с ним рука об руку счастливо идти по дороге жизни. Не раз она увлекалась, безотчетно влюблялась, считая, что это и есть тот самый, кто предназначен ей судьбой, и каждый раз ее настигало разочарование, и потом снова и снова пыталась найти свою единственную любовь... И в начале стихотворения мы застаем ее в тот момент, когда, кажется, она окончательно разуверилась в том, что существует вообще та любовь, о которой она мечтала, что существует такой мужчина, который предназначен исключительно ей. Размеренная, медлительная интонация стиха своим строем как бы передает состояние уставшей от ожиданий и разуверившейся в возможности счастья женщины. И вот в этот момент, когда, казалось бы, она покорила судьбе, когда не ждала уже ничего радостного в жизни своей, приходит именно тот, в ком она ощущала необходимость в течение всей жизни. Но героиня даже такое исключительное явление уже не может воспринимать безрассудным всплеском эмоций: «Ты опоздал на много лет. / Но всё-таки тебе я рада». Такая реакция, на наш взгляд, является психологически достоверной и соответствующей возрасту и печальному опыту героини. И хотя в финале стихотворения со всей пронзительностью прорывается горечь по потерянному без настоящей любви времени («Прости, прости, что за тебя / Я слишком многих принимала»), в целом мы видим, что героиня спокойно и удовлетворенно воспринимает этот, может быть, последний и самый главный дар своей жизни.

Размышляя над творчеством Ахматовой, Андрей Платонов высказал любопытное замечание: «Литературная критика всегда немного кощунственное дело: она желает все поэтическое истолковать прозаически, вдохновенное — понять, чужой дар — использовать для обычной жизни. (...) *Вещи, в которых есть признаки совершенства, не нуждаются в помощи, потому что совершенство всегда могущественно само по себе*». И далее он делает следующую существенную оговорку: «Но во многих случаях критика как суждение нужна не для того, чтобы осудить или похвалить, но для того, чтобы *глубже понять поэта*» [Платонов, 1993, с. 2860–287].

Мы были далеки от мысли вскрыть и указать читателю истину в последней инстанции, но тем не менее полагаем, что наше «суждение» может существовать как возможная версия интерпретации стихотворений Ахматовой о любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахматова А.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
2. *Жирмунский В.М.* Творчество Анны Ахматовой. М., 1993.
3. *Недоброво Н.* Анна Ахматова // *Ахматова А.А.* Стихотворения. Поэмы. М., 2002.
4. *Платонов А.* Анна Ахматова // *Анна Ахматова.* Избранное. М., 1993.
5. *Садовской Б.* Конец акмеизма // *Ахматова А.А.* Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1990.
6. *Чуковский К.* Анна Ахматова // *Чуковский К.* Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1990.